

Ли Шэнъань вышел из бара. Перед глазами раскинулась слепящая белизна — густые снежные хлопья, похожие на гусиный пух, продолжали непрерывно валить с неба. Резкий порыв ледяного ветра, несущий колючую крупу, хлестнул его по лицу. Шэнъань вздрогнул, плотнее запахнул пальто и зашагал вдоль улицы.

Стрелки часов давно перевалили за полночь. Улица полностью вымерла. Даже те круглосуточные лавки, что обычно работали допоздна, сегодня наглухо заперли свои двери — новогодняя ночь загнала всех по домам. Вокруг царило зловещее безмолвие, нарушаемое лишь заунывным воем ветра. В Шэньчжэне давно действовал строгий запрет на пиротехнику, поэтому даже в этот праздничный час небо оставалось темным, без привычных разноцветных вспышек и оглушительного грохота петард.

Недавний переполох начисто выбил хмель из головы Шэнъаня. Он медленно брёл по безлюдному переулку, утопая в сугробах. Его одинокая фигура посреди ночной мглы выглядела бесконечно сиротливо. На самом повороте он замер. Появилось шальное желание обернуться, но он подавил порыв и заставил себя сделать следующий шаг.

Внезапно со спины налетело что-то огромное. Крепкие руки обхватили его за талию, намертво зажав в тисках, а в шею с безумным отчаянием ткнулось лицо.

— Шэнъань, я люблю тебя! Клянусь, безумно люблю! Пожалуйста, не бросай меня! — раздался у самого уха хриплый, срывающийся голос Лу Чжаньбая.

Шэнъань попытался высвободиться, рванулся изо всех сил, но Лу будто налился первобытной мощью. Руки того держали мертвой хваткой, не ослабевая ни на миг.

— Отпусти, — негромко произнёс Шэнъань. Голос его звучал на удивление ровно и холодно.

— Не отпущу! — Чжаньбай продолжал упрямо тереться лицом о шею Шэнъаня. — Хоть убей меня, не отпущу!

— Последний раз предупреждаю: отпусти, иначе пеняй на себя, — ледяным тоном повторил Шэнъань.

— Сказал же — не отпущу! Лучше уж умереть от твоих рук! Всё равно мне незачем жить. Без тебя я просто подохну! — выдохнул Чжаньбай.

— Ну ладно, сам напросился! — рявкнул Шэнъань.

Он резко крутанулся всем телом и с силой рванул плечо. Крупная фигура Чжаньбая, точно сорванная с петель дверь, отлетела на несколько метров, с глухим ударом врезалась в стену

дома и сползла на засыпанную снегом мостовую.

Поверженный гигант слабо зашевелился, пытаясь подняться на локтях. Шэнъань хладнокровно шагнул ближе и с ходу ударил его носком ботинка в плечо. Чжаньбай охнул, ткнувшись лицом в сугроб. Снова попытался упереться ладонями в обледенелый асфальт, но тут же получил новый удар — тяжелая подошва Шэнъаня опустилась ему на лопатки, намертво пригвоздив к земле.

— Я ведь предупреждал тебя, Чжаньбай, — прорычал Шэнъань, с силой надавливая на его спину. — Предупреждал, чтобы ты не смел ко мне лезть! Моему терпению пришел конец. С этой секунды проваливай к чертям собачьим! Исчезни с моих глаз навсегда! Ещё раз увижу — убью, клянусь тебе!

Лицо Лу Чжаньбая оставалось погребенным в снегу. Он больше не пытался вырваться или пошевелиться. Растянувшись под сапогом Шэнъаня, он замер, не подавая признаков жизни.

Наконец Шэнъань убрал ногу и быстро зашагал прочь.

Эта улица казалась бесконечной. Куда длиннее, чем обычно. Буран разыгрывался не на шутку, ветер завывал всё свирепее, швыряя в лицо пригоршни липкого снега. Шэнъань упрямо шёл вперёд, отмеряя шаг за шагом, стремясь поскорее добраться до следующего перекрёстка, уйти за поворот.

Но в душе бушевал собственный шторм. Ноги словно налились свинцом — он физически не мог перешагнуть невидимую черту перекрестка, не мог заставить себя повернуть за угол.

«Чжаньбай ведь не злой по натуре человек...» — шептал навязчивый голос в голове. — «Остановись. Оглянись на него!»

Какого черта он так взбесился? Зачем злиться на этого дурака, у которого ветер в голове? Какая вообще разница, с кем он путается, если они больше не вместе?

«Просто посмотри. Вдруг он уже ушел?»

Нет, нельзя. Проявишь слабость хоть раз — и этот кошмар никогда не закончится. Пора поставить точку. Так будет лучше для обоих.

«Оглянись, умоляю тебя, просто оглянись!» — этот зов внутри становился всё громче, всё настойчивее.

Нужно хотя бы проверить, ушёл ли он. Вдруг его подобрала охрана? На дворе новогодняя ночь — время, когда семьи собираются вместе, когда вся страна празднует. Нельзя бросать его одного на ледяной дороге. Это слишком низко. Слишком жестоко.

Шэнъань резко развернулся.

Лу Чжаньбай лежал всё там же. Никаких телохранителей — никто за ним не приехал. Он распластался на животе, почти полностью занесённый снегом, из-под которого сиротливо торчал лишь уголок его чёрного пальто, дрожащий на ветру. Одинокий холмик посреди белой пустыни, освещенный тусклым оранжевым светом уличного фонаря. Ни единого движения. Неужели потерял сознание?

Ругаясь сквозь зубы, Шэнъань бросился назад. Лу лежал недвижимо, засыпанный белым саваном, словно в наспех вырытой могиле. Шэнъань легонько ткнул его носком ботинка:

— Эй! Ты как? Слышишь меня? Кончай притворяться!

Ответа не последовало. Чжаньбай даже не вздрогнул.

— Твою мать! — выругался Шэнъань. — Куда подевались эти хвалёные псы-телохранители?

Он опустился на колени, торопливо сгребая холодный снег с широкой спины мужчины, и с трудом перевернул его навзничь.

Лицо Лу было мертвенно-бледным, губы посинели от холода, кожа казалась ледяной. Шэнъань испуганно прижал пальцы к сонной артерии мужчины. Слава богу, пульс прощупывался — слабый, редкий, но ровный. Дышит.

Он огляделся вокруг. Вывеска «Миксмэна» в конце улицы давно погасла, двери заперты на засовы, в окнах темно.

Не оставалось ничего другого. Шэнъань рывком усадил бесчувственное тело, закинул его тяжелые руки себе на плечи и, нутужно кряхтя, поднял эту тушу с земли.

Ноги предательски задрожали. Шэнъань выпрямился с огромным трудом, проклиная всё на свете. Тяжёлый, зараза, как столетняя шпала! Чистый кабан!

Он покрутил головой — ни прохожих, ни проезжающих машин, а охраной Лу и не пахло. Что делать? Растерянность на миг сковала мысли. Точно, больница. Надо тащить его в клинику.

Но, оббежав пару переулков, Шэнъань понял, что все окрестные дежурные аптеки и мелкие кабинеты закрыты на праздники. До ближайшей крупной городской больницы в такую погоду пешком не добраться, тем более с центнером живого веса на закорках. Чжаньбай висел на нём безжизненным мешком, придавливая к земле. Сцепив зубы от бессилия, Шэнъань резко развернулся и пошёл в сторону своего дома.

Метель только свирепела, колючий ветер завывал в ушах, а Шэнъань под своей курткой уже взмок от пота. Снег быстро засыпал широкую спину Чжаньбай плотным слоем, который осыпался при каждом тяжёлом шаге Шэнъаня, чтобы тут же налипнуть вновь.

— Кха... Кха-кха! — глухо донеслось из-за плеча.

Шэнъань скосил глаза. Тяжелая ноша зашевелилась — Лу Чжаньбай медленно приходил в себя.

Разомкнув веки, Чжаньбай не сразу понял, где находится. Лишь через секунду до него дошло, что Шэнъань тащит его на собственной спине сквозь ночную бурю. Тот едва дышал от усталости, но упрямо переставлял ноги, даже не думая бросить свою ношу. На бледном лице Лу проступила слабая, глуповатая улыбка.

— Шэнъань... — прошептал он пересохшими губами.

— Очухался? — буркнул Шэнъань, не оборачиваясь. — Помолчи лучше. Тебе прилично досталось. Идём ко мне, тут ближе.

— Шэнъань, прости меня... — проигнорировав предупреждение, тихо забормотал Лу. — Я ведь ждал тебя сегодня. Ждал, а тебя всё не было. Ну и набрался как свинья... совсем тормоза отказали. Вот и натворил дел...

— Закрой рот, — оборвал его Шэнъань.

— Нет, послушай! — упрямо выдохнул Чжаньбай в самое ухо. — Я ведь сюрприз тебе готовил на праздник, а вышло всё через задницу... Прости. Я просто больше не могу так. С тех пор как мы... ну, с того раза, у меня вообще никого не было. Я ведь правда тебя люблю, Шэнъань. Раньше для меня это всё игрушками было, глупостью, но когда встретил тебя — меня словно вывернуло наизнанку. Сам себя не узнаю, крышу сносит напрочь, только о тебе и думаю. Пусть презираешь, пусть гонишь — плевать. Мне никто, кроме тебя, не нужен.

— Ещё хоть слово скажешь — и я сброшу тебя прямо в этот сугроб! — рявкнул Шэнъань и демонстративно подбросил его на спине. Чжаньбай взвыл от пронзившей тело боли.

— Не сбросишь, — тихо, но убежденно усмехнулся Чжаньбай, преодолевая боль. — Стал бы ты возиться со мной, если бы хотел бросить... Шэнъань, у тебя язык злой, а сердце мягкое. Я знаю.

Шэнъань лишь промолчал, сокрушаясь о собственной дурости. Сам виноват, полез на свою голову спасать этого недоумка. Настоящий мазохист.

А Чжаньбай, уткнувшись носом в его плечо, чувствовал, как от этого худощавого тела исходит невероятное тепло и надежная, спокойная сила. Ему было так хорошо и спокойно, как не

бывало уже очень давно.

Больше всего на свете Лу Чжаньбай ненавидел снегопады. Его мать ушла из жизни как раз в такой же буранный день. Израненная детская память до сих пор хранила смутные очертания той трагедии, но он всю жизнь бежал от этих воспоминаний, заталкивая их поглубже в подсознание. Однако сейчас, покачиваясь на спине Шэнъяня под завывание метели, он впервые в жизни чувствовал себя в абсолютной безопасности. Чувствовал себя счастливым.

Наконец они добрались до квартиры. Стоило Шэнъяню переступить порог, как он без лишних церемоний свалил тяжелую тушу прямо на кожаный диван в гостиной и без сил прислонился к стене, шумно переводя дух.

Чжаньбай от такого приземления взвыл раненым зверем.

— Поаккуратнее... нельзя было? — простонал Лу, баюкая ушибленные ребра.

— А ты попробуй протащить на закорках центнер свинины через полгорода в метель, а потом жалуйся! — огрызнулся Шэнъянь. Он щелкнул выключателем кондиционера, запуская режим обогрева, подошел к кувшину и жадно, прямо через край, осушил стакан ледяной воды.

— Я не свинья... и вешу меньше центнера, — со слабой улыбкой прохрипел Лу. — Тоже пить хочу. Налей и мне.

Шэнъянь раздраженно зыркнул на него, но все же потянулся к графину. Помедлив секунду, он вылил холодную воду обратно и набрал теплой из термоса, после чего подошел к дивану.

Чжаньбай дернулся было взять стакан, но его пальцы свело судорогой — руки совершенно не слушались. Он беспомощно уставился на хозяина дома.

Шэнъянь перевел взгляд на ладони Чжаньбая — ссаженные, распухшие, в запекшейся крови. Результат его собственных пинков. Вздохнув, он присел на край дивана и сам поднес стакан к губам раненого. Тот благодарно прильнул к воде, но тут же зашелся хриплым кашлем.

Отставив стакан, Шэнъянь поднялся, скинул промокшее пальто и швырнул его на вешалку. Повернувшись к Лу, скомандовал:

— Попробуй пошевелиться. Надо понять, что у тебя сломано.

Чжаньбай попытался напрячь мышцы, но его тут же прошила такая дикая судорога боли, что он истошно заорал. На лбу мгновенно выступили крупные капли холодного пота.

— Так тебе и надо, — безжалостно бросил Шэнъянь, но все же быстро ушел в спальню и

вернулся с тяжелой аптечкой и бутылкой разогревающей мази от ушибов. Грохнул все это на журнальный столик перед диваном.

Дождавшись, пока комната достаточно прогреется, а гость перестанет дрожать от озноба, Шэнъань подложил ему под спину упругую подушку, помогая принять полусидячее положение.

— И что теперь? — потерянно спросил Чжаньбай.

— Лечить тебя буду, — отрезал Шэнъань. — Если сейчас не растереть ушибы, завтра вообще с постели не встанешь. Тоже мне, амбал... Слишком уж легко ломаешься.

— Ну, уж как умею... — глупо улыбнулся Чжаньбай.

Шэнъань принялся аккуратно стягивать с него дорогой дизайнерский пиджак, превратившийся после валяния в грязи и снегу в половую тряпку. Затем пришел черед свитера, галстука, изорванной рубашки и майки.

Пока Шэнъань освобождал его от мокрой одежды, Чжаньбай выл и охал на всю квартиру, проклиная каждую секунду этих манипуляций.

— Не ори ты так! — цыкнул на него Шэнъань. — Раз чувствуешь боль, значит, нервы целы. Радуйся, что живой остался, идиот.

Чжаньбай лишь жалобно шмыгнул носом, утирая набежавшие слезы.

Шэнъань оглядел его торс. Чжаньбай действительно был великолепно сложен — широкие плечи, рельефная грудь, литые кубики пресса. Крепкое тело настоящего атлета, которое совершенно не вязалось с его капризной, изнеженной физиономией и позорной неспособностью держать удар. Вот только сейчас эта безупречная броня была покрыта жуткими багровыми кровоподтеками. На груди, ребрах и спине расплывались огромные лиловые пятна, в паре мест кожа лопнула, и из неглубоких ссадин сочилась сукровица.

Заметив, какими долгими и оценивающими взглядами Шэнъань изучает его тело, Чжаньбай вдруг почувствовал, как к лицу приливает жар. Он густо покраснел.

Не обращая внимания на его смущение, Шэнъань принес таз с горячей водой. Смочив мягкое полотенце, он принялся аккуратно обтирать израненную кожу Лу, бережно смывая грязь, потеки крови и налипший песок. Он делал это медленно и тщательно, не пропуская ни единой складки, вычищая даже грязь из-под ногтей на разбитых пальцах.

Чжаньбая захлестнула такая волна нежности, что у него перехватило дыхание. О нем еще никогда в жизни никто так не заботился.

Закончив обтирание, Шэнъань перешел к обработке ран. В ход пошли перекись, йод и стерильные повязки. Спустя десять минут Лу Чжаньбай сидел на диване весь обмотанный бинтами и заклеенный пластырями, напоминая нелепую тряпичную куклу.

Он терпел жжение от антисептиков, изо всех сил сжимая зубы. Было адски больно, но в то же время безумно, неопишимо хорошо.

Но впереди их ждало самое тяжелое испытание. Шэнъань велел ему лечь ровнее, откупорил бутылочку со жгучим лечебным бальзамом и щедро плеснул пахучую жидкость себе на ладони. Растерев лекарство, он прижал руки к огромной гематоме на ребрах Чжаньбая и начал с силой втирать его, разминая застоявшуюся кровь короткими, жесткими надавливаниями.

Лу ожидал, что будет больно, но реальность превзошла все его самые кошмарные фантазии. По квартире разнесся дикий, душераздирающий вопль. Мужчина орал так, словно с него заживо сдирали кожу. Каждый новый нажим Шэнъаня вызывал очередной взрыв крика, и Чжаньбай совершенно не реагировал на шиканье и попытки заставить его замолчать.

— А-а-а-а! Пощади! Прекрати! — рыдал Чжаньбай, катаясь головой по подушке. Слезы градом катились по его щекам. — Хватит, умоляю, остановись! Лучше убей меня! Пристрели! Я больше не выдержу-у-у!

— Не хнычь, тряпка! — прикрикнул на него Шэнъань, наваливаясь всем весом и продолжая методично вбивать мазь в ушибленные ткани. — Из-за какого-то синяка уже подыхать собрался? Это мы еще до спины не добрались!

И он нажал еще сильнее.

— А-а-а-а-а!

<http://bllate.org/book/18227/1759488>